

ВОЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

© 2016 г. А. Г. Караяни*, Ю. М. Караяни**

* Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии
Военного университета Министерства обороны РФ, Москва;
e-mail: karayani@mail.ru

** Кандидат психологических наук, доцент, докторант кафедры психологии
там же;
e-mail: yulya.karayani@mail.ru

Исследование посвящено анализу основных направлений приложения психологии к практике решения оборонных задач в годы Первой мировой войны. Проводится краткий экскурс в рождение и становление военной психологии как отдельного научного направления. Исследуется история становления и развития психологического тестирования в условиях мировой войны, в интересах военного дела, боя и победы. Описан вклад военных психологов первой трети XX века в становление методологии психологического отбора военнослужащих. Приводится обзор методов и схем психологической помощи и реабилитации психотравмированных воинов. Характеризуются информационно-психологическое противоборство между воюющими государствами и отличие путей развития военной психологии по разные стороны первого в новейшей истории глобального конфликта. Описаны пути и примеры применения военной психологии не только в оборонительных, но и в наступательных целях. Дается общая оценка вклада военной психологии в ход и исход многостороннего вооруженного противоборства.

Ключевые слова: Первая мировая война, военная психология, психологическое тестирование, психологическая помощь, психологическая реабилитация, информационно-психологическое противоборство.

В сентябре 2014 года исполнилось 100 лет с начала Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Современники называли эту войну “Великой войной”, “Большой войной”, “Второй Отечественной войной”, “Великой Отечественной войной”. И это не случайно. Первая мировая представляла собой принципиально новое явление в истории человечества. Эта новизна проявилась, во-первых, в невиданных пространственно-временных масштабах вооруженного противоборства. Война на четыре долгих года ввергла население планеты в пучину хаоса и страданий. За годы войны было мобилизовано и поставлено под ружье более 74 млн. чел. Однако психологически в ней участвовало большинство населения Земли. В военные события, так или иначе, было втянуто 38 (из 59 существовавших в то время) государств, объединенных в две коалиции – Антанту и Четверной союз. Боевые действия разворачивались на территории Европы, Азии, Африки, на акваториях Атлантического, Тихого и Индийского океанов, Черного, Балтийского, Северного и Средиземного морей.

Война и вызванные ей три революции кардинально изменили политическую карту планеты.

С нее исчезли четыре величайшие империи (Австро-Венгерская, Германская, Османская, Российская). Вместе с тем на ней появились более десятка новых государств. Десятки государств и территорий были аннексированы, оккупированы, присоединены к государствам-победителям и их союзникам. Произошло изменение полюсов силы. На политической сцене появился новый мощный игрок – США.

Таким образом, Первая Мировая война воспринималась ее современниками как катастрофа планетарного масштаба. Это, безусловно, сказалось на том психологическом давлении, которое она оказала на ее участников и население стран-участниц.

Во-вторых, впервые в ходе войны в широких масштабах и комплексно использовались военные, экономические, политические, дипломатические, информационно-психологические средства достижения военных целей. На полях ее сражений родился новый вид противоборства – психологическая война.

Впервые в истории в военном противоборстве нашли широкое применение новые средства

вооруженного насилия: авиация, химическое оружие, бронетехника, подводные лодки, автоматическое оружие, огнеметы и др., обладавшие не только огромными для того времени боевыми возможностями, но и гигантским психологическим эффектом.

В-третьих, это была первая в истории человечества война, в которой физические потери исчислялись в миллионах человек (около 10 млн. военнослужащих погибли, более 20 млн. были ранены, 3,5 млн. остались калеками).

Все это не могло не отразиться на психологической стороне войны. Участники войны подвергались чудовищным психологическим нагрузкам. Разница между их повседневным жизненным опытом и реальностью боевых событий была столь разительна, что человеческая психика оказывалась неспособной обработать и утилизировать поступающую информацию. “Средним” участником Первой мировой войны, как известно, был выходец из села, приученный к мерному ходу времени и событий, четкой структурированности и упорядоченности уклада жизни, привыкший мерить успех и неудачу, степень своей активности количеством вложенного труда. Его социальный мир часто очерчивался границами села или уезда. Событийная насыщенность его жизни была минимальной. Привычный ее ход тревожили редкие поездки в ближайший городишко, приезд в село гостей из города, смерть близкого или просто знакомого человека. Все это позволяло прогнозировать ближайшее будущее, формировало ощущение эмоциональной стабильности, уверенности в собственных возможностях и т.п.

Война в одночасье разрушила базовые убеждения и ценности миллионов людей на Земле. На войну пошел человек, испытывающий глубокую душевную драму, а нередко и тяжелую психическую травму. Огромные пространственно-временные масштабы войны, чудовищная разрушительная сила применявшегося оружия, гигантские физические потери в действующих армиях привели к невиданным ранее психологическим последствиям. Сотни тысяч участников боевых действий получили психические травмы и впервые в истории войн на этом законном основании были эвакуированы с поля боя. Психологи и психиатры разработали уникальные методы психологической реабилитации пострадавших. Стремление предотвратить массовую психотравматизацию войск привело к созданию в ряде стран мощных структур психологического отбора, разработке первых методических средств психологической селекции. В ходе войны получили

развитие многие направления военно-психологической науки, сложились все основные виды военно-психологической практики, имеющие место сегодня; по существу, родилась военно-психологическая практика.

Несмотря на сказанное, богатый опыт психологической практики и психологические уроки войны остаются вне поля зрения и профессионального интереса психологов послевоенных поколений. В учебниках по истории психологии, в исторических биографиях психологических учреждений (обществ, институтов, лабораторий) и психологов того времени временной период с 1914 по 1918 год, за редким исключением, зияет пустотой. Для психологов-исследователей сегодняшних дней Первая мировая война по каким-то причинам не является источником научного вдохновения.

Данная статья преследует цель устранить историческую несправедливость: показать вклад военной психологии в вооруженное противоборство, осветить основные направления приложения психологии к решению военных задач в разных государствах, сформулировать уроки для развития сегодняшней военной психологии.

Для достижения этой цели необходимо понять, какими возможностями реально обладала военная психология в предвоенный период. Изучение вопроса показывает, что к 1914 году основные противоборствующие государства подошли с высокими достижениями в военной психологии.

Так, в России в начале века отмечался своеобразный период “ренессанса” в развитии психологии. Психологическое знание пышно расцветало в недрах различных наук: в психологии, социологии, лингвистике, физиологии, философии, философии права, этнографии и др.¹

На этом фоне динамично развивалась отечественная военная психология. Перед войной был создан Отдел военной психологии при Обществе ревнителей военных знаний. В журнале “Военный

¹ Широкую известность не только в России, но и за ее пределами получили психологические идеи Н.А. Бердяева, В.М. Бехтерева, Н.Я. Грота, К.Д. Кавелина, С.С. Корсакова, Н.Н. Лагнге, Л.М. Лопатина, Н.К. Михайловского, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, И.П. Павлова, А.А. Потебни, И.М. Сеченова, А.А. Токарского, С.Л. Франка, Г.И. Челпанова, Г.Г. Шпета, и др. С сентября 1912 года в Москве под руководством Г.И. Челпанова работал Психологический институт. В стране действовали лаборатории экспериментальной психологии при психиатрических клиниках и кафедрах в Казанском (В.М. Бехтерев), Харьковском (П.И. Ковалевский), Московском (А.А. Токарский), Юрьевском (В.Ф. Чиж) университетах. В Новороссийском университете (Одесса) вел экспериментальную работу Н.Н. Ланге [19, с. 440, 458].

сборник”, газете “Военный инвалид” регулярно печатались военно-психологические работы. На страницах этих и других изданий шла острая дискуссия о предмете, задачах, методах военной психологии, о психологических особенностях влияния боя на поведение военнослужащих и т.д. [1, с. 31]. К началу военных событий по различным проблемам военной психологии выступило более ста пятидесяти авторов. Общее количество военно-психологических монографий, статей и выступлений превышало пять сотен. Динамика интереса ученых, командиров, военных врачей к военно-психологическим проблемам отражается в следующих фактах: после 1861 года в среднем в год выходила одна военно-психологическая публикация, после 1896 года – две-три, в период 1900–1904 гг. – четыре-пять, в 1905–1909 гг. – десять-двенадцать, после 1910 – двадцать пять и более публикаций в год [1, с. 16].

На русский язык переводились военно-психологические труды зарубежных авторов, в ряде военных училищ и академий был введен курс военной психологии, читался курс военной психологии и велись исследования лабораторией при Музее ведомства военно-учебных заведений, военные психологи приглашались на психологические форумы [1, с. 31].

Не менее динамично развивалась в период, предшествующий началу Первой мировой войны, психология в США. К 1900 г. здесь действовало 42 научно-психологические лаборатории, оснащенные лучшим в мире оборудованием. В 1913 г. в стране насчитывалось 84 психолога, что больше, чем в тогдашних Германии, Англии и Франции вместе взятых. Благоприятной основой для выделения американской военной психологии в самостоятельную отрасль послужила активно развивавшаяся в то время индустриальная психология [7, с. 202].

В Германии военная психология подошла к началу войны также в расцвете своих возможностей. Это было обусловлено форсированным военным строительством в обстановке ожидания войны. В своей работе немецкие военные психологи активно использовали развитую теоретическую и экспериментальную базу психологических школ немецких университетов и достижения военных психологов других стран. Несмотря на то, что в 1910 году в Германии было лишь 4 ученых, называющих себя психологами, 50% всех опубликованных в мире статей по психологии было написано на немецком языке [16, с. 101].

В результате, вступая в войну, руководство германской армии располагало военно-психологиче-

ской теорией, обосновывающей с научной точки зрения прусскую систему подготовки солдата, а также средствами ее практической реализации.

Изучение доступных для исследования документов (монографий, учебников, учебных пособий, хрестоматий, научных статей, энциклопедий, справочников, руководств, интернет-ресурсов) позволяет констатировать, что, несмотря на то, что официальный возраст психологии как самостоятельной науки в то время составлял всего лишь 35 лет, ее влияние на ход и исход войны оказалось существенным. Можно выделить, по крайней мере, *шесть* крупных *направлений* приложения выводов и рекомендаций психологической науки к практике боевых действий: консолидация и координация деятельности органов (структур, подразделений, сообществ), осуществляющих психологическую деятельность, психологический отбор контингентов, укрепление морально-психологического состояния войск, психологическое обеспечение военного обучения военнослужащих, психологическая помощь участникам боевых действий, информационно-психологическое противоборство.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕШЕНИЯ ВОЕННЫХ ЗАДАЧ

Важнейшим направлением деятельности психологов, от которого зависела эффективность всей психологической работы в годы войны, стали *мобилизация, консолидация и координация усилий по психологическому обеспечению решения военных задач*.

Наиболее активно и масштабно такая работа велась в США. Это в значительной степени было связано с менталитетом американцев. Английский корреспондент и психолог Норман Коупленд отмечал, что, вступив в “Великую войну, Соединенные Штаты Америки признали, что войны выигрываются людьми, а не кораблями, танками, орудиями, снарядами, самолетами и бомбами. Эта истина в течение долгого времени предавалась забвению, однако американцы с типичной для них проницательностью и деловитостью, тотчас ухватились за нее и соответственно перестроили свою стратегию. Они поняли, что война – это бизнес, а поскольку необходимо было выиграть войну, надо было вести ее со знанием дела” [4, с. 15]. Правительство проконсультировалось у специалистов, основным занятием которых было решение подобных вопросов. Данная проблема касалась людей. “Существует ли отрасль знаний, занимающаяся изучением людей? Да, существу-

ет”. Это психология... В таком случае пусть психологи и дают ответ” [4, с. 15–16].

И психологи дали ответ. Они рассматривали Первую мировую войну как “возможность демонстрации того, что психология как наука уже повзрослела и может быть поставлена на службу” [6, с. 367].

Огромную организаторскую работу в годы войны провела Американская психологическая ассоциация (АПА) и лично ее президент Р. Йеркс, который был назначен главой специальной комиссии по практическому использованию психологии в интересах решения оборонных задач. В первый день вступления США в Первую мировую войну состоялось экстренное заседание Тиченеровского общества экспериментальной психологии в Гарвардском университете. Присутствовавший на нем Йеркс призвал коллег к “консолидации усилий”². Участники заседания определили конкретные направления деятельности психологов в военных условиях [16, с. 220].

Несколько месяцев спустя, 6 апреля 1917 г., АПА сформировала 12 комитетов, нацеленных на решение различных психологических задач войны, от проблем акустики до отдыха [6, с. 376]. Главными направлениями работы были определены: психологическое обследование новобранцев, их отбор и классификация; определение пригодности кандидатов на офицерские должности; исследование проблем слуха и зрения, обучения личного состава и укрепления воинской дисциплины; психологические проблемы авиации; обращение с эмоционально неустойчивыми людьми; переучивание людей, непригодных для дальнейшей военной службы в данном роде войск; вопросы морали и пропаганды [12, с. 36]. В эту работу было вовлечено абсолютное большинство членов Ассоциации.

В своем программном обращении к членам АПА Р. Йеркс подчеркивал: “В этой стране наука впервые поставлена на службу конкретным идеологическим и практическим целям. Сегодня американская психология посылает хорошо обученный и усердный персонал служить нашей

военной организации. Мы действуем не индивидуально, а коллективно, на основе общей подготовки и общей веры в практическую ценность нашей работы”. Он призвал психологов действовать в интересах обороны и продемонстрировать, что “наша дисциплина имеет важное общественное значение” [6, с. 376].

Целенаправленный научный мониторинг эффектов приложения психологии к боевой деятельности войск привел к созданию в 1918 году при штабе армии США первой в истории Психологической (моральной) службы. Теоретико-методическую основу ее деятельности составили положения книги ее первого начальника – полковника Мунсона “Руководство людьми” и труда одного из ее главных организаторов, бывшего президента Американской психологической ассоциации майора Р. Йеркса “Война и психология”. Вся работа Службы по методам, формам и средствам была психологической. В воинских подразделениях действовали ее представители – унтер-офицеры. Они распространяли военно-психологические материалы Службы среди военнослужащих и информировали ее о морально-психологическом состоянии личного состава подразделения [12, с. 38]. Опыт организации психологической работы в вооруженных силах позже был обобщен в работах полковника Андриуса “Людские силы в применении к военному делу” и “Вооруженные людские силы”, А. Миллера “Предводительство” [12, с. 38; 30].

В Германии воплощением рекомендаций и выводов психологии к практике подготовки и ведения войны занимались психологическая лаборатория и специальный отдел при генеральном штабе. Область научных исследований лаборатории составляли поведение солдата в бою, на службе, вопросы национальной психологии и т.д. Спецотдел генерального штаба занимался разработкой теоретико-методических основ пропаганды, основанной на теории мышления. Психологи работали на призывных пунктах, в психиатрических клиниках, в дисциплинарных тюрьмах [14, с. 69–72].

В процессе деятельности по психологическому обеспечению разнообразных оборонных задач формировались научные позиции ученых и практиков, которые в послевоенное время станут задавать “моду” в различных областях психологии. Так, В. Коффка работая в психиатрической клинике, помогал пациентам с черепно-мозговыми травмами и страдающими афазией, а также исследовал феномены потери слуха и звуковой локализации [16, с. 355; 9]. М. Вертгеймер занимался

² Полного единства психологов достичь не удалось. Среди американских психологов были те, кто выступил против участия американцев в войне или против своего участия в работе на оборону. Так, Д.М. Кеттел был уволен в 1917 году из Колумбийского университета за антивоенные настроения, а Титченер отказался от участия в программе “психология – обороне”, сославшись на то, что он британский подданный. Открыто выступил на стороне Германии работавший в Гарвардском университете директором психологической лаборатории известный немецкий психолог Г. Мюнстерберг [16, с. 216, 220, 240].

разработкой прослушивающих гидроакустических приборов для подводных лодок и береговых портовых укреплений [16, с. 355]. К. Гольдштейн работал директором клиники военного госпиталя для солдат с черепно-мозговыми травмами и содействовал созданию института по изучению последствий этих травм. Именно здесь Гольдштейн провел фундаментальные исследования, составившие основу его организмического подхода к пониманию личности [9, с. 198]. К. Левин, являясь уже доктором психологии, в течение четырех лет проходил военную службу в пехоте германской армии, проделав путь от рядового до лейтенанта. Эрнст Кречмер с началом войны поступил на военную службу и занимался организацией неврологического отделения военного госпиталя в Бад-Маргентхайме.

Д.Б. Уотсон, будучи уже известным психологом и возглавляя Американскую психологическую ассоциацию, служил во время войны майором авиационной службы. Получил опыт медико-психологической работы на войне Г.С. Салливан. Именно во время войны многие из психологов определили области своего научного интереса, получили уникальный опыт практической психологической работы в экстремальных условиях, получили богатейший эмпирический материал для последующих исследований.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ОТБОР ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Самым масштабным и социально резонансным психологическим проектом Первой мировой войны стал *психологический отбор контингентов*. С началом боевых действий перед воюющими армиями остро встала задача – отобрать и распределить по родам войск и воинским должностям огромное число новобранцев. Существовавшие в то время оценочные системы не отвечали масштабам этой задачи и временным рамкам ее осуществления. Необходимы были совершенно иные подходы в отборе военного персонала для нужд вооруженных сил.

В связи с этим психологи США, Англии, Франции, Германии энергично принялись за разработку простых и надежных отборочных инструментов для вооруженных сил и конкретных родов войск.

Так, в США Йеркс собрал в возглавляемую им комиссию 40 психологов для создания группового теста интеллекта на основе теста Артура С. Отиса [16, с. 220]. Решить такую задачу было не просто по многим причинам. Хотя бы потому, что «миллионы американских граждан плохо знали английский язык. Это были люди, происходившие из

тевтонов и семитов, романских и славянских народов, азиатов и негров. Десятки тысяч мужчин призывного возраста по европейским стандартам были неграмотны. Казалось, нет такого общего знаменателя, под который можно было бы подвести решение столь сложной общественной проблемы. Учитывая это, для определения умственного развития и способностей неграмотных и не знающих английского языка были использованы весьма остроумные приемы» [4, с. 15–16].

Результатом деятельности комиссии Йеркса стали две компактные диагностические методики – «*армейский альфа-тест*» и «*армейский бета-тест*». Вторая методика предназначалась для неанглоязычных и неграмотных призывников. Указания при его применении давались не как обычно в словесной или письменной форме, а посредством пантомимы [16, с. 220]. Оба теста были групповыми и классифицировали новобранцев по буквенной шкале от *A* до *E*: высший уровень *A* означал, что кандидаты могут занимать офицерские должности, низшие уровни *D* и *E* – непригодность к военной службе. Для того чтобы преодолеть сомнения военных в ценности тестов, было проведено специальное исследование. После тщательной проверки в одном из военных лагерей в 1917 году было введено общее тестирование для всех новобранцев [6, с. 377].

В связи с тем что работа по разработке тестов и их практическому применению шла медленно (она наткнулась на сопротивление военных и психиатров), к самому тестированию психологи приступили лишь за 3 месяца до окончания войны, однако успели обследовать 1 млн. 175 тыс. человек. [16, с. 221; 6, с. 378].

Непосредственно в армии и на флоте психологические испытания военнослужащих различных родов войск осуществляли специальные лаборатории. С 1917 года в Научно-исследовательском совете по авиационной медицине функционировала психологическая лаборатория, изучавшая вопросы психологической пригодности кандидатов к службе в авиации: в частности, восприятие, внимание, управление произвольными движениями, сохранение ориентации и равновесия, память, мышление, эмоциональные реакции, скорость выработки навыков, а также разрабатывались тесты для оценки этих характеристик [12, с. 37].

Как это ни странно, на судьбе американской военной психологии положительно сказался конфликт между двумя выдающимися психологами и организаторами психологической практики – Робертом Йерксом и Уолтером Диллом Скоттом.

Первый был ориентирован на медицинский подход в психологии и, в конце концов, стал работать в Медицинском управлении, второй занимался промышленной психологией и стал работать в Управлении личного состава. В результате возникших разногласий Йеркс возглавил разработку тестов, позволяющих устранять из рядов вооруженных сил психически непригодных, а Скотт занялся отбором персонала на конкретные должности [6, с. 376–377].

Кроме гражданских психологов, входящих в Научно-исследовательский совет при Военно-медицинском управлении и Управлении генерал-адъютанта, были созданы отделы и исследовательские лаборатории, занимавшиеся подбором кадров с использованием психологических тестов. Психологические испытания в вооруженных силах проводились лицами, подготовленными для этой цели на специальных курсах. За время войны эти курсы окончили 369 человек, в том числе 115 офицеров [12, с. 36–37].

У.Д. Скотт разработал *Шкалу для оценки качеств младших офицеров* и смог убедить военных в ее полезности, а также необходимости создания специального Комитета по отбору персонала [6, с. 377]. Комитет занимался классификацией данных психотехнических испытаний, анализом всех видов армейских служб и работ, описанием и стандартизацией профессий, определением психологических качеств, необходимых военным служащим различных специальностей и должностей. Для упрощения кадровой работы была разработана солдатская классификационная карточка, где фиксировались результаты психотехнических испытаний [12, с. 37]. Сотрудники комитета разработали тесты умений для 83 военных профессий и стали участвовать в отборе на все армейские должности. К концу войны штат Комитета вырос с 20 до 175 сотрудников [6, с. 377].

За время войны с помощью разработанной Скоттом Шкалы была оценена квалификация трех миллионов военнослужащих, за что Скотт был удостоен медали “За выдающиеся заслуги” – высшей военной награды США для гражданских лиц. Его работа стала важным примером практической ценности психологии [6, с. 377; 16, с. 232, 234].

С началом войны в американской армии возникла также острая потребность в диагностическом средстве, позволяющем выявлять военнослужащих с неврозами. Роберт Вудворт специально разработал для этой цели *Бланк личностных данных*, который также послужил прообразом для будущих групповых тестов [16, с. 221–234].

Д. Векслер (под руководством Э.Г. Боринга) осуществлял опросы военнослужащих с помощью “теста Альфа” и подсчитывал результаты в военном лагере на Лонг-Айленде. Позже он работал в подразделении психологов в Форт-Логан в Техасе, где занимался подбором персонала. Полученный им опыт позволил создать “Армейский тест Векслера” [16, с. 216, 220, 240].

Работы по созданию удобных и эффективных инструментов для психологического тестирования шли и в других государствах – участниках войны. Так в 1914 году французские психологи Камю и Неппер разработали методы отбора кандидатов на военную службу, в частности для оценки быстроты их реакции на зрительные, тактильные и слуховые раздражители. Испытуемый нажимал ключ хронометра в ответ на сигнал (вспышка света, звонок, прикосновение) в 10 сериях. Вычислялось среднее время реакций, которое служило в качестве своеобразной шкалы для оценки кандидатов. Методика нашла широкое применение в системе военного профотбора во Франции, а также в некоторых других странах [14, с. 64].

В Германии достаточно интенсивно развивалась авиационная психология. Важнейшим практическим результатом деятельности психологов стала разработка батареи психологических тестов для летчиков, включавшей тесты оценки внимания, памяти, времени реакции, способности к ориентации и распознаванию, способности преодолевать нерешительность. Немецкие военные психологи создали экспериментальные установки, моделирующие деятельность летчика. На этих установках исследовалось протекание психических процессов у пилотов в условиях максимального приближения к полету [14, с. 71].

ВКЛАД ПСИХОЛОГИИ В УКРЕПЛЕНИЕ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ВОЙСК

В годы Первой мировой войны впервые целенаправленно решался *вопрос укрепления морально-психологического состояния войск*. Наиболее интересный и поучительный опыт был накоплен американскими военными психологами. Обобщая этот опыт, Н. Коупленд отмечал, что руководство намного экономичнее и действеннее, чем принуждение, и что людьми можно руководить только в том случае, если они хотят, чтобы ими руководили. Психологи направились в военные лагеря и казармы. Через месяц после вступления США в войну отдел военной психологии направил начальнику лагеря Гринлиф программу пси-

психологического обеспечения подготовки рекрутов к боевым действиям. В лагере был назначен специальный офицер по вопросам психического (морального) состояния, задачей которого было “развивать осмысленное отношение к службе, а также отыскивать наиболее привлекательные формы и наиболее выгодные методы его внедрения” [4, с. 17].

Из отдела военной психологии в лагерь была направлена группа из 35 психологов, целью которой было укрепление морального состояния военнослужащих. Модель психологической работы с новобранцами, разработанная и реализованная данной группой, и сегодня считается классической. Психологи “встречали все поезда, здоровались за руку с каждым рекрутом и приглашали в лагерь. Независимо от времени суток, в которое прибывали новобранцы, они принимали ванну и получали первоклассную пищу. Это был надежный метод психологического воздействия, так как принятая ванна и свежее белье подсказывали солдатам мысль, что с прежней жизнью покончено, а первоклассная пища убеждала, что новая жизнь обещает много приятного. Сержант по моральным вопросам обучал рекрутов заправлять кровати, знакомил их с расположением лагеря. На этой стадии все указания давались в духе дружеских советов” [4, с. 17].

Утром прибывших собирали в специальной информационной палатке, являющейся центром укрепления психического состояния. Каждому вручалась карточка, гласящая: “Теперь ты солдат Соединенных Штатов, солдат, набранный своей страной для борьбы за свободу во всем мире. Шагай, как солдат! Думай, как солдат! Действуй, как солдат! Будь солдатом! Вначале это будет нелегко. Ты сможешь столкнуться с вещами, которых не понимаешь. Не беда. Все хорошие солдаты овладевали тем, что ты начинаешь изучать. Помни, что ты под стягом, который никогда не прикрывал несправедливой войны. Помни, что американская армия никогда не терпела поражений. Выполняй свой долг, и этого никогда не случиться. Держи голову высоко поднятой, глаза открытыми и улыбайся”. На обратной стороне карточки были написаны фамилия солдата, рота, адрес лагеря – это должно было служить как установлению личности, так и воодушевлению солдат [4, с. 17–18].

С рекрутами беседовали о дисциплине, порядке в лагере, играх, книгах, болезнях, явке к врачу, переписке с домом, обмундировании и питании, разучивали бодрые строевые песни. Капеллан обращался к новобранцам с напутствием, индивидуально беседовал с желающими. Солдат вовлекали в самодеятельные концерты, хоровое

пение, в занятия боксом и борьбой, в дискуссии о войне. Новобранцы организованно писали письма домой. В каждый конверт вместе с письмом солдата вкладывалось и письмо от командира батальона, в котором родных и близких призвали психологически поддерживать солдата. Это способствовало обеспечению единства армии и народа [4, с. 18–19].

Описанная схема деятельности психологов формировала у новобранцев уверенность в том, что война – это не только кровавое и смертельное противоборство с противником, а полноценный кусок жизни, включающий и многие положительные моменты (участие в великой миссии, уважение родных и близких, хорошее питание, заботу командиров, возможность проявить свои таланты, закалиться физически и морально). Все это способствовало развитию высокого морально-психологического состояния воинов.

Поиском способов и средств повышения боевого духа войск были заняты командиры, психологи, а также иные специалисты и в других воюющих армиях. Иногда эти способы были весьма оригинальны. По некоторым данным в 1916 году, в одной из частей русской армии, для воодушевления воинов перед наступлением на облака с помощью специальных приборов проецировался образ Богоматери. Как указывают источники, предпринятая информационно-психологическая акция произвела мощный мобилизующий эффект.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БОВОГО ОБУЧЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Важнейшим направлением деятельности психологов в годы Первой мировой войны стало *психологическое обеспечение боевого обучения военнослужащих*.

По мнению аналитиков, психологи учили командиров отбирать людей для выполнения специальных задач, отыскивали наиболее развитых солдат для обучения в офицерских школах, выявляли неспособных. Было установлено, что “глупцы служат помехой и тормозят обучение способных военнослужащих, не говоря уже о том, что на них впустую тратятся время и деньги”. Поэтому в учебные группы американских войск направлялись военнослужащие с одинаковым умственным развитием, чтобы более способные быстрее овладевали военными знаниями [4, с. 16].

В германской армии также осуществлялись психотехнические испытания с целью определения пригодности военнослужащих к службе

в спецподразделениях и разработки наиболее эффективных методов обучения. В призывных пунктах новобранцы выполняли специальные задачи, соответствующие конкретной воинской специальности. Полученная тестовая оценка регистрировалась, затем сравнивалась с показателями в боевой подготовке [14, с. 72]. В основе прусской системы подготовки солдата лежала основательно проработанная военно-психологическая теория, дополненная конкретными средствами ее приложения к боевой практике войск. Руководство вопросами военной психологии непосредственно осуществляли специальный отдел и психологическая лаборатория генерального штаба. Специальный отдел занимался разработкой проблемы психологии мышления в интересах повышения эффективности пропаганды. Психологическая лаборатория была нацелена на экспериментальное исследование военно-психологических проблем [12, с. 24].

В России Г.Е. Шумков исследовал психические состояния воинов под артиллерийским обстрелом и после боя. В опубликованной им в 1915 году работе “Душевнобольные на войне. О практическом подразделении душевных заболеваний на войне” он дал одну из первых классификаций психических расстройств военного времени [17, 18].

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ УЧАСТНИКАМ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Как отмечалось выше, психотравматизация участников Первой мировой войны достигла таких масштабов, что превратилась в один из важнейших факторов вооруженного противоборства. Чудовищная сила и высокие поражающие качества используемого оружия (крупнокалиберной артиллерии, пулеметов, отравляющих веществ, огнеметов и т.д.), длительность воздействия стресс-факторов войны (опасности, внезапности, напряженности и т.д.), тяжелейшая физическая нагрузка, связанная с размахом и “равной” динамикой боевых действий, огромные объемы кровавых потерь, раненых и искалеченных и другие факторы действовали как мощный пресс, пытающийся психологически раздавить каждого участника войны.

По данным аналитиков, в годы Первой мировой войны были ранены от 31 до 52% от числа всех мобилизованных в вооруженные силы стран-участниц войны. Если же взять этот процент исключительно к численности непосредственных участников боевых действий, то процент значительно возрастет. Так за 41 день так называемого

“великого наступления” немцев (с 21 марта по 30 апреля 1918 года) в германской армии погибли 56 639 и были ранены 252 186 солдат. В это же время в британской армии погибли 28 128 и были ранены 181 338 человек. Каждый день этой великой трагедии гибли 5200 англичан и 7500 немцев. По имеющимся данным за апрель 1915 – январь 1916 года 64.2% пострадавших в итальянской армии были ранены в верхние и нижние конечности [15, с.174–176], значительное число из них стали инвалидами. Поля сражений Первой мировой войны были обильно усыпаны телами погибших, умирающими и искалеченными бойцами.

Э.М. Ремарк описывает впечатления рядовых солдат германской армии – участников сражений той войны словами одного из своих героев: “Мы видим людей, которые еще живы, хотя у них нет головы; мы видим солдат, которые бегут, хотя у них срезаны обе ступни; они ковыляют на свих обрубках с торчащими осколками костей до ближайшей воронки; один ефрейтор ползет два километра на руках, волоча за собой перебитые ноги; другой идет на перевязочный пункт, прижимая руками к животу расплзающиеся кишки; мы видим людей без губ, без нижней челюсти, без лица; мы подбираем солдата, который в течение двух часов зажимал зубами артерию на своей руке, чтобы не истечь кровью” [10, с. 100]. “...многих уносит внезапная химическая атака. Они даже не успели сообразить, что их ожидает. Один из блиндажей полон трупов с посиневшими лицами и черными губами. В одной из воронок новобранцы слишком рано сняли противогазы – они не знали, что у земли газ держится особенно долго; увидев наверху людей без противогазов, они тоже сняли маски и успели глотнуть достаточно газа, чтобы сжечь себе легкие. Сейчас их состояние безнадежно, они умирают медленной, мучительной смертью от кровохарканья и приступов удушья” [10, с. 98]. “Дни стоят жаркие, а убитых никто не хоронит. Мы не можем унести всех, мы не знаем, куда их девать. Снаряды зарывают их тела в землю. У некоторых трупов вспучивает животы, они раздуваются как воздушные шары. Эти животы шипят, урчат и поднимаются. В них бродят газы” [10, с. 95].

Такие чудовищные картины дополнялись на войне нечеловеческим физическим и психологическим напряжением. Участник той войны вспоминает: “... мы уже отупели от напряжения. Это то убийственное напряжение, когда кажется, что тебе царапают спинной мозг зазубренным ножом. Ноги отказываются служить, руки дрожат, тело стало тоненькой пленкой, под которой прячется с трудом загнанное внутрь безумие, таится каждую

минуту готовый вырваться наружу безудержный, бесконечный вопль” [10, с. 87]. “Наши лица покрыты коростой, в наших мыслях царит хаос, мы смертельно устали; когда начинается атака, многих приходится бить кулаком, чтобы заставить их проснуться и пойти вместе со всеми; глаза воспалены, руки расцарапаны, колени стерты в кровь, локти разбиты” [10, с. 99].

Результатом этой нечеловеческой драматургии боя являлось формирование особых психических состояний и самоощущений личности участников. “Мы превратились в диких зверей. Мы не сражаемся, мы спасаем себя от уничтожения. Мы швыряем наши гранаты не в людей – какое нам сейчас дело до того, люди или не люди эти существа с человеческими руками и в касках? В их облике за нами гонится сама смерть... Сжавшись в комочек, как кошки, мы бежим, подхваченные этой неудержимо увлекающей нас волной, которая делает нас жестокими, превращает нас в бандитов, убийц, ... в дьяволов, и, вселяя в нас страх, ярость и жажду жизни, удесятерят наши силы, – волной, которая помогает нам отыскать путь к спасению и победить смерть. Если бы среди атакующих был твой отец, ты не колеблясь метнул бы гранату и в него!” [10, с. 88].

Под воздействием психологического давления боя сотни тысяч человек подвергались психотравматизации и утрачивали боеспособность. Уровень психических расстройств среди участников войны достиг таких размеров, что появился специальный термин “психологические потери” [3, с. 8]. Объемы этих потерь росли пропорционально времени продолжительности боевых действий. Так, в августе 1914 года в германской армии на 360 раненых приходился один человек с психическим расстройством. В ноябре один психотравмированный приходился на 30 раненных, в декабре уже 1 на 20, в 1915–1916 годах – 1 на 10, а 1916–1917 годах – 1 военнослужащий с психическими отклонениями от нормы приходился на 9 раненых. Похожая тенденция отмечалась и в английской армии. Если в 1914 году здесь один военнослужащий с психическим расстройством приходился на 30 раненых, то в 1915 году это соотношение было уже 1 к 11 [8, с. 16; 3, с. 6].

Сами факты выхода из строя солдат и офицеров под воздействием боевых стресс-факторов выступали причиной психотравматизации окружающих. Абсолютное большинство участников боевых действий впервые в жизни столкнулись с массовыми случаями полубомбочных состояний, мнимых параличей ног, функциональной слепоты и глухоты, судорожной дрожи и других подобных

явлений. Р. Габриэль, анализируя психологические проблемы войн XX века, отмечает, что наиболее характерными расстройствами в Первую мировую войну были: подавленность сознания, страх (оправданный и беспричинный), повышенная чувствительность к шуму, испуг, дрожание конечностей, расстройства двигательного аппарата, конверсионные реакции, расстройства мыслей, расстройства психических процессов [2].

Военные врачи противоборствующих армий наблюдали случаи истерических параличей (госпитальная истерия *Binswanger*), истерической глухоты и глухонмоты, сумеречных состояний (*Kleist, Wetzel* и *Steinau-Steinruck*), псевдодеменций, ступора, истерической рвоты (*Roussy* и *Lhermitte*). Большое количество солдат, месяцами лечившихся в лазаретах по поводу суставного ревматизма, аппендицита, невритов, особенно ишиаса, в действительности страдали истерическими артралгией, псевдоаппендицитом, псевдоишиасом. Отмечались случаи истерического метеоризма, выводившего солдат из строя на длительное время, так как часто вызывали подозрения в тяжелых органических заболеваниях органов брюшной полости. Наряду с одиночными психическими расстройствами наблюдались психические эпидемии типа “газовой истерии” (после применения немцами отравляющих газов тысячи американских, английских и французских солдат имитировали симптомы, характерные для отравленных), “командной истерии” (передающиеся от одного больного к другому паттерны командного поведения – выкрики команд и жестикуляция). Казалось невероятным, но сохранявшиеся месяцами тяжелейшие симптомы мгновенно исчезали после прекращения участия в боевых действиях. После окончания войны отмечалась своеобразная “эпидемия” выздоровления больных с затяжными истерическими симптомами (параличами, глухонмотой и т.п.) [11].

Совокупность подобных симптомов в ходе войны называли по-разному – “снарядным шоком”, “военным неврозом”, а позже – “психоневрозом”.

Проблема оказания психологической помощи психотравмированным участникам боевых действий усложнялась тем, что к началу войны военная психиатрия была еще мало известной, психиатры воюющих армий либо не знали, либо забыли об опыте русской военной психиатрии, накопленном в годы Русско-Японской войны, психиатрами и психологами были сделаны неверные теоретико-методологические выводы из анализа психологических последствий воздействия

на солдат боевых стресс-факторов. Большинство авторитетных специалистов полагали, что нервные расстройства являлись последствиями взрывов артиллерийских снарядов, которые вызывали нарушения в деятельности мозга. Явления, вызываемые такими эмоциональными причинами, как чувство страха, трудно поддавались объяснению и никогда предметно не рассматривались.

В действующих армиях ощущалась острая нехватка психиатров, и практически отсутствовали психологи. Не было и специальных программ психологической реабилитации, поэтому пострадавших с диагнозом “военный невроз” стали эвакуировать с поля боя и направлять в госпитали. Англичане эвакуировали лиц с симптомами военного невроза на побережье Ла-Манша для осуществления их психологической реабилитации в военном госпитале санаторного типа. Эффективность такой реабилитационной схемы была крайне низка. Лишь незначительная часть пострадавших восстанавливала здоровье, но даже выздоровевшие уже больше не возвращались в боевой строй.

После 1917 г., стремясь снизить антивоенные выступления населения, провоцируемые в том числе и созерцанием большого числа пострадавших, англичане и французы перешли к оказанию психологической помощи воинам с психическими расстройствами в непосредственной близости от линии фронта [2; 3]. Это позволило возвращать некоторую часть восстановившихся солдат в действующую армию.

В начале войны во всех воевавших странах для лечения больных с истерическими симптомами применялись преимущественно “мягкие”, “щадящие” физиотерапевтические процедуры, сочетаемые с убеждением больного в том, что ему “лучше”, что болезнь его “проходит”. Предоставление больным отдыха и покоя, отправка их на курорты и в санатории, лечение бромидами, вливаниями глюкозы и витаминами, ваннами, “мягкими” физиотерапевтическими процедурами широко применялось в начале Первой мировой войны [11]. Низкая эффективность такого подхода привела к применению принудительных методов психолого-психиатрической помощи: метод “интенсивного перевоспитания”, сочетающий удары электрическим током и “насильственные упражнения” (*Vincent; Kehrер*), метод “внезапного нападения врасплох”, включающий удары током и властные команды (*Kaufmann*). Все эти методы были нацелены на то, чтобы заставить больных “отказаться от болезни” и вызывали сопротивление пациентов. Постепенно во французской, а за-

тем в английской и американской армиях (*Grasset, Roussy, Lhermitte, Salmon*) стала применяться целостная система репрессивных мер, включающая 4 последовательных этапа. *Этап психотерапии* включал упреки в нежелании выздороветь в сочетании с убеждением и внушением. *Этап репрессий* состоял в угрозах (ареста и передачи в военный трибунал) и жестком психологическом давлении на больных, чтобы заставить их “бежать из болезни”, “бежать из госпиталя на фронт”. Для этого психиатры применяли различные методы (*Kretschmer* – изоляцию больных в темное помещение с запрещением общения и чтения; *Rieder* и *Wollenberg* – заключение в деревянные изолированные ящики с запрещением контактов; *Jendrassik* и *Binswanger* – голодную молочную диету; *Stier* – помещение больных без психических расстройств в беспокойное психиатрическое отделение; *Alt* и *Weichbrodt* – длительную изоляцию в ванной; *Roussy* и *Lhermitte* – болезненные подкожные введения эфира и т.п.). *Этап фарадизации* предполагал нанесение возрастающих по силе ударов током. *Этап перевоспитания* предполагал выполнение больным мучительной системы военных упражнений. Если на одном из этапов наступало излечение, последующие мероприятия не проводились [11].

Эвакуация психотравмированных военнослужащих с поля боя в тыл породила масштабную проблему. Появились тысячи симулянтов, изображавших симптомы “военного невроза” для того, чтобы избежать дальнейшего участия в боевых действиях. При этом набор фальсифицируемых симптомов часто зависел от того, какое именно поведение врач данной части считал “боевым неврозом”. В связи с этим перед командирами, военными врачами и психологами встала задача, наряду с оказанием психологической помощи пострадавшим, разрабатывать диагностические критерии, позволяющие выявить многочисленных симулянтов [3, с. 9].

Наиболее целенаправленно вопросы реабилитации психотравмированных военнослужащих решались в армии США. Еще до вступления этой страны в войну министерство обороны оценило феномен психотравматизации воинов как одно из важнейших явлений, влияющих на исход военной кампании. При его участии Национальный комитет по психогигиене организовал взаимодействие с медицинской службой армии в интересах оказания помощи воинам, получившим психические расстройства. Один из специалистов в этой области доктор Т. Салмон был направлен в Англию для изучения опыта психологической реабилитации военнослужащих. С учетом английского, россий-

ского и германского опыта американское военное руководство организовало подготовку врачей и вспомогательного медицинского персонала для работы с военнослужащими, подвергшимися психотравматизации. В 1918 г. в вооруженных силах США действовало 693 психиатра, 263 из которых находились в боевых порядках войск. Это позволило создать довольно стройную и эффективную систему психиатрической и психологической помощи, включавшую психиатров дивизий, небольшие психиатрические госпитали емкостью на 30 пострадавших каждый, располагаемые вблизи линии фронта, и крупные госпитали, дислоцируемые в тылу района боевых действий. Солдаты и офицеры с психическими нарушениями подвергались обследованию уже на эвакуационных пунктах, расположенных в непосредственной близости от линии фронта. Здесь определялось, кто направляется для лечения в передовые, а кто в тыловые госпитали [2].

Учитывая опыт психиатрической помощи участникам боевых действий, накопленный в русской армии в годы Русско-Японской войны 1904–1905 гг. (в частности, открытый Г.Е. Шумковым “эвакуационный синдром”), американские психиатры обосновали ряд принципов организации помощи военнослужащим в боевой обстановке. В ходе войны британскими и американскими специалистами были разработаны принципы оказания психологической помощи военнослужащим, которые были обозначены акронимом “PIE” (*PIE* – *пирог*, P – Proximity (близость), I – Immediacy (незамедлительность), E – Expectancy (выжидательность, предвкушение). Эти принципы означали: *Близость* – помогать жертвам вблизи линии фронта и в “пределах звуков боя”, *Незамедлительность* – помогать им немедленно, сразу после обнаружения симптомов, *Предвкушение* – ориентация их на обязательное возвращение в боевой строй.

В ходе решения практических реабилитационных задач осуществлялось развитие теории и практики психологической помощи. Постепенно вызревающее понимание того, что психотравмы на войне имеют не соматическую, а эмоциональную природу, переориентировало американских психиатров с применения таких методов реабилитации, как электрошок и гипноз, на краткосрочный отдых, хорошее питание и т.п. Практическая реализация данной реабилитационной схемы позволила в годы Первой мировой войны вернуть в боевой строй порядка 40% психотравмированных воинов [2].

Таким образом, в ходе Первой мировой войны у военных психологов и психиатров разных стран

сложилось более или менее четкое представление о сущности психотравмы, наметились методы работы с психотравмированными военнослужащими. Специалистами были вынесены уроки, касающиеся неотложности оказания психологической помощи пострадавшим, приближенности органов психологической помощи к линии фронта, специфического отношения к психотравмированным военнослужащим, сочетания психологических, психофизиологических и психиатрических методов вспомоществования.

СПОСОБЫ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОБОРСТВА

Первая мировая война стала тем военным событием, в котором впервые целенаправленно, системно и масштабно были использованы средства и способы *информационно-психологического противоборства* с противником. Этому способствовали следующие обстоятельства. Во-первых, к началу военных событий произошла информационная революция – средства массовой информации стали важнейшим, широко распространенным и неотъемлемым элементом социальной жизни всех экономически развитых стран мира. Газеты, журналы, брошюры, плакаты, наглядная и печатная реклама превратились в мощные средства управления общественным мнением. Эффективность информационно-психологического воздействия на противника зависела от уровня развития информационно-пропагандистской инфраструктуры государства, степени психологической обоснованности пропаганды и наличия специальных органов ведения психологической войны.

В ходе войны военно-политические руководители воюющих держав пришли к выводу о необходимости создания специального аппарата для ведения пропагандистского воздействия на войска и гражданское население противника, а также для воздействия на общественное мнение в нейтральных странах. В результате были созданы первые специальные органы ведения пропаганды и подрывных акций среди войск и населения противника (в США – комитет общественной информации, в Великобритании – управление пропаганды среди войск и населения противника, во Франции – служба пропаганды, в Германии – специальный отдел генерального штаба и т.д.) [13, с. 8]. С того времени подобные органы существуют во всех крупных армиях мира.

Главным информационно-психологическим оружием Первой мировой войны была *листов-*

ка. Пожалуй, впервые психологи по-настоящему задумались над тем, как сделать текстовое сообщение, адресуемое различным аудиториям, максимально эффективным. Психологи, журналисты, культурологи разрабатывали принципы информационно-психологического воздействия, экспериментировали с тематикой, содержанием, формой, размерами, цветовыми характеристиками листовок. В результате были сделаны выводы о том, что листовки должны обращаться не к сознанию людей, а к их эмоциям, “простым” чувствам (страх, любовь, тоска по дому, голод, этнические чувства, ощущение социального неравенства и т.д.), учитывать психологические особенности конкретных аудиторий, иметь небольшие размеры, привлекать внимание людей.

Так, американские листовки призывали простых немецких солдат оказывать сопротивление своим генералам, аристократам и официальным властям. В них сообщалось о том, что “Соединенные Штаты производят грозное оружие в огромных количествах”, “Армия Соединенных Штатов высадилась в Европе”, “Потери немцев в живой силе и технике и военные неудачи слишком серьезны”. В листовках содержалось обещание сдавшимся в плен германским солдатам первоклассное американское питание, гуманное отношение, соблюдение привилегий в соответствии с международным законодательством, сохранение жизни и возможность вернуться на родину. Учитывая плохое обеспечение немецких солдат продуктами питания, в одной из листовок просто приводился суточный рацион американского солдата (по фунту мяса, картофеля и хлеба, фрукты, настоящий кофе, сахар, молоко, бекон, масло) и сообщалось, что сдавшимся в плен будет выдаваться аналогичный пай.

Особой активностью в проведении информационно-психологических акций в годы войны отличалась Англия. Англичанами были выпущены миллионы листовок, которые разбрасывались с помощью авиации и воздушных шаров над территорией противника. Специалисты отмечают их высокую эффективность, которая объяснялась тем, что их содержание отвечало чаяниям немецких солдат, строилось в соответствии с их запросами и настроениями. Не случайно известный немецкий генерал Ф. Людендорф после войны отмечал: “Мы были так искусно и в таком объеме подвергнуты вражеской пропаганде, что вскоре многие из нас не были в состоянии различать, что является пропагандой противника, а что своим собственным восприятием... Мы не сражались больше до последней капли крови. Многие нем-

цы-мужчины не хотели больше умирать за свое отечество”.

Французскими органами психологической войны было подготовлено и распространено среди германских войск около 30 млн. экземпляров листовок и другой печатной продукции.

Не менее активно участвовали в информационно-психологическом противоборстве и германские спецслужбы. Работая на два фронта, они буквально засыпали с цепелинов листовками российские, английские и французские войска. Так, в листовках, распространявшихся на Восточном фронте в 1915 г., немцы утверждали, что англо-французские войска разбиты и такая же участь ожидает русских, поэтому, чтобы избежать “ненужного кровопролития”, русским солдатам предлагалось организованно сдаться в плен. Среди российских воинов распространялись “пораженческие” листовки, в которых говорилось о бедствиях в тылу, голоде, массовых заболеваниях и т.п. Используя тонкую дезинформацию, грубую ложь и запугивание, немцы сумели существенно повлиять на морально-психологическое состояние неприятельских армий.

В конце войны Антанта предприняла шаги по координации своих пропагандистских усилий и создала специальный штаб по разложению германских войск. Россия в этих акциях принимала менее активное участие, так как была к ним слабо технически подготовлена.

Опыт информационно-психологической деятельности воюющих армий был обобщен в специальной, научной, научно-популярной литературе, в документах, касающихся управления войсками. В Германии анализу практики подрывных психологических акций в ходе Первой мировой войны посвящена книга “Боевая психология”, в Англии – “Тайны дома Крю”, в США – “Техника пропаганды в мировой войне” Лассвела [13, с. 8–9]. Положения этих работ и сегодня являются актуальными, они легли в основу первых документов, регламентирующих содержание и организацию информационно-психологического противоборства в армиях этих государств.

ВЫВОДЫ

Таким образом, завершая анализ использования психологии в целях решения военных задач в годы Первой мировой войны, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в ходе войны был накоплен богатый опыт консолидации, интеграции и координа-

ции усилий психологов для решения оборонных задач. В США, Англии, Германии психологи были взяты на учет и привлечены для решения широкого круга вопросов. В оборонную работу активно включились как специально созданные психологические структуры воюющих армий, так и общественные организации типа Американской психологической ассоциации. Психологическое обеспечение боевых действий было эффективнее в тех странах, где психологи наметили общие программы действий. Впервые в истории была создана психологическая служба в вооруженных силах, разработана и апробирована программа ее деятельности. Данная программа и сегодня составляет функциональное ядро действующих психологических служб в ведущих армиях мира.

Во-вторых, психология отчетливо заявила о себе как о науке, без которой вести современные войны неэффективно и чревато крайне негативными последствиями. Комплектование эффективных армий невозможно без психологического отбора контингентов. Поддержание высокого боевого духа войск и боевой активности военнослужащих немыслимо без психологической поддержки и психологической помощи военнослужащим, психологической реабилитации пострадавших воинов. Боевые действия не могут быть эффективными без информационно-психологического обеспечения.

В-третьих, по мнению Холла «война «придала огромный импульс прикладной психологии. Для психологии в целом она была благом»». По оценке Кеттела, в США деятельность психологов в годы Первой мировой войны обеспечила психологии «место на карте и на первых полосах газет». Прикладная психология стала по-настоящему уважаемой профессией, а после войны чем-то вроде национальной мании [16, с. 243].

В годы войны получило всеобщее признание психологическое тестирование. По оценке экспертов психологическое тестирование одержало в войне собственную победу. Армейское тестирование стало прообразом многих последующих разработок в психологии. «После войны услуги психологов были нарасхват: торговцы, промышленники, правительственные организации желали усовершенствовать систему подбора персонала и внедрить принципы психологического тестирования при найме на работу. В скором времени миллионы служащих, школьников и абитуриентов колледжей стали перед необходимостью тестирования, от результатов которого могла зависеть вся их дальнейшая жизнь» [16, с. 221, 232, 234; 6, с. 378].

Военными психологами и психиатрами были разработаны принципы оказания психологической помощи психотравмированным военнослужащим (неотложности, приближенности, выживательности).

В-четвертых, в армиях тех стран, где психология не была мобилизована на борьбу с врагом, наметились серьезные проблемы с морально-психологическим состоянием личного состава, вплоть до его полной деморализации. Так, в русской армии не осуществлялось психологическое тестирование военнослужащих, предпринимались крайне слабые усилия по информационно-психологическому воздействию на противника, практически отсутствовала психологическая помощь психотравмированным военнослужащим. Разработкой теоретических и практических вопросов психологической реабилитации занимались лишь отдельные энтузиасты (Н.А. Вырубов, А.В. Гревер, С.Н. Давиденко, Н.М. Добротворский, В.К. Хорошко, Г.Е. Шумков и др.). Некоторые специалисты объясняют это тем, что «поскольку многие военные психиатры и невропатологи были выходцами из дворян, то часть из них погибла от революционного террора и в Гражданскую войну, часть от голода, а часть эмигрировала за границу» [5, с. 300]. Однако нельзя исключать и того, что террор и моральное разложение в армии стали возможны в таких масштабах, в том числе, ввиду отсутствия элементарного психологического сопровождения боевых действий. Душа русского солдата оказалась высоко востребованной в бою и преданной после боя.

В-пятых, в ходе многоплановой психологической работы с военнослужащими психологами были сделаны ошибки, на осмысление которых в будущем потребовалось немало времени: авторитет боевого опыта довлел над умами военных психологов. Так, американцы из своих открытий о сущности боевых психических расстройств сделали не совсем верные практические выводы. Все усилия они направили на организацию психологического отбора новобранцев с целью недопущения в армию лиц, склонных к получению психотравмы. Опыт же оказания психологической помощи был на некоторое время забыт, и потребовалось много усилий и времени для его восстановления в годы Второй мировой войны [4].

В-шестых, с окончанием войны накопленный военной психологией опыт оказался забытым практически во всех ведущих армиях мира. Это было связано с тем, что сознание людей, завершивших это чудовищное взаимное уничтожение, отказывалось верить в то, что повторение подоб-

ного события возможно еще когда-либо в грядущей судьбе человечества. Военная психология и военные психологи в большинстве стран – активных участников войны – практически исчезли. В результате с началом Второй мировой войны потребовались титанические усилия для того, чтобы по крупицам собрать, обобщить, осмыслить и задействовать опыт использования психологии в интересах достижения победы в войне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Военно-психологические взгляды русских военных деятелей XVII–XX веков: В 2-х ч. М.: МО РФ, 1992–1993. Ч. 2.
2. Габриэль Р. Героев больше нет. Умственные расстройства и проблемы военной психиатрии в условиях войны / Пер. с англ. Нью-Йорк: Хилл и Вонг, 1986.
3. Конюхов Н.И., Феденко Н.Ф. Психологические потери и пути их снижения. М.: МО, 1990.
4. Коупленд Н. Психология и солдат / Пер. с англ. М.: Воениздат, 1991.
5. Литвинцев С.В., Снедков Е.В., Резник А.М. Боевая психическая травма. М.: Медицина, 2005.
6. Лихи Т. История современной психологии / 3-е изд. СПб.: Питер, 2003.
7. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 1999.
8. Психозы и психоневрозы в войне: сб. статей. М.: ВПА, 1986.
9. Психология: Биографический библиографический словарь / Пер. с англ. СПб.: Евразия, 1999.
10. Ремарк Э.-М. На западном фронте без перемен. М.: Пушкинская библиотека, 2003.
11. Свядош А.М. Неврозы и их лечение. М.: Медицина, 1971.
12. Феденко Н.Ф. Современная буржуазная военная психология. М.: Воениздат, 1964.
13. Феденко Н.Ф. Буржуазная военная психология на службе психологической войны империализма. М.: ВПА, 1981.
14. Феденко Н.Ф., Сергеев П.И., Стрельников Е.А., Додольцев Р.Ф. Буржуазная военная психология и ее использование в подготовке империалистических армий. М.: ВПА, 1978.
15. Хаханьян Г. Основы военной психологии. М.: Госиздат, 1929.
16. Шульц Д., Шульц С.Э. История современной психологии. СПб.: Евразия, 1998.
17. Шумков Г.Е. Душевное состояние воинов после боя // Военный сборник. 1914. № 11.
18. Шумков Г.Е. Психика бойцов под артиллерийским обстрелом // Военный сборник. 1914.
19. Ярошевский М.Г. История психологии. М.: Мысль, 1985.

MILITARY PSYCHOLOGY DURING THE FIRST WORLD WAR

A. G. Karayany*, Yu. M. Karayany**

* *Sc.D. (psychology), professor, head of psychology chair Military University of the Ministry of Defense of Russian Federation, Moscow;*

** *PhD, associate professor, doctoral candidate of psychology chair, Military University of the Ministry of Defense of Russian Federation, Moscow*

The research is devoted to the analysis of main approaches in application of psychology to the practice of defense tasks' solution during the First World War. Brief excursus into birth and formation of military psychology as an independent scientific approach is given. History of formation and development of psychological testing under the conditions of world war in behalf of military science, battle and victory is investigated. The contribution of military psychologists to development of methodology of psychological selection of military personnel in the first third of XX century is described. The survey of methods and schemata for psychological support and rehabilitation of psycho-traumatized service members – ill, injured and somatic safe are given. Informational and psychological counteractions between States at war and differences in development of military psychology between the parties on the opposite sides of the first in the modern history global conflict are characterized. The ways and examples of military psychology application not only for defensive but also for offensive goals are described. General estimation of contribution of military psychology into course and result of many-sided military opposition is given.

Key words: The First World War, military psychology, psychological testing, psychological service, psychological rehabilitation, informational-psychological opposition.